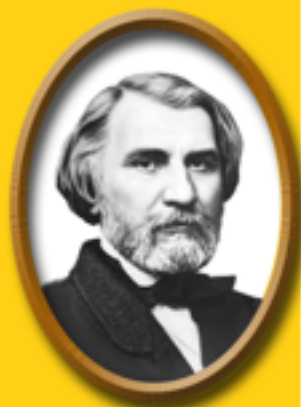

*Пишем сочинения по
роману*

И.С. Тургенева

"Отцы и дети"

Пишем сочинения
по роману И.С. Тургенева
«Отцы и дети»

Содержание

Вступление	4
Идейное содержание	8
Тематика, композиция, жанр	11
Язык произведения	13
Природа в романе	27
Художественная форма произведения	29
Портреты	32
Обстановка	33
Персонажи	35
Базаров	35
Родители Базарова	59
Среда Базарова	63
Любовь Базарова	65
Смерть Базарова	68
Кирсановы	71
Павел Петрович	72
Павел Петрович и Базаров	77
Николай Петрович	83
Аркадий	85
Ситников	87
Кукшина	87
Одинцова	87
Феничка	89
Особенности тургеневского романа	90
Заключение	92

Вступление

Роман «Отцы и дети» появился в очень острый политический момент. Положение об отмене крепостного права, объявленное в марте 1861 года, сразу же обнаружило крепостнический характер реформы. В защиту народа, оставшегося в кабале у помещиков, выступил передовой революционно-демократический лагерь, начавший революционную борьбу с самодержавием.

Действие романа происходит в 1859 году, а эпилог рассказывает о событиях, последовавших уже после падения крепостного права, в 1861 году. «Главное лицо представляется выражением новейшей нашей современности», — писал Тургенев Достоевскому в ноябре 1861 года о своем новом произведении. Одним из важнейших исторических явлений этой поры была борьба буржуазно-дворянского либерализма с революционным демократизмом вокруг коренных вопросов русской жизни, борьба двух направлений, двух исторических тенденций — реформистской и революционной в русском общественном развитии, начиная с 60-х годов прошлого столетия. Этот конфликт и послужил исторической основой романа Тургенева, сумевшего раскрыть одну из типических сторон русской действительности его времени.

В романе ярко переданы споры «отцов» и «детей», представителей двух культур — старой, уходящей дворянской культуры, и новой, демократической, — отразившие столкновение между дворянскими либералами, сыгравшими свою относительно прогрессивную роль в 40-х годах, и разночинцами-демократами, ставшими во главе передового общественного движения. Споры велись вокруг самых различных вопросов, волновавших общественную мысль 60-х годов, — об отношении к дворянскому культурному наследству, об искусстве и науке, о системе поведения человека, о нравственных принципах, о воспитании, общественном долге и т.д. Все эти проблемы нашли свое отражение в романе Тургенева.

С. Петров

Проблема связей и взаимоотношений поколений отцов и детей занимала одно из важных мест в русской литературе прошлого века. Она была остро поставлена декабристами, Грибоедовым в «Горе от ума», она волновала Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Чернышевского, Толстого и Чехова. Эта проблема нашла наиболее полное воплощение в романе «Отцы и дети» Тургенева.

Тургенев работал над ним в период первой революционной ситуации в России. В то время происходил интенсивный процесс размежевания социальных сил, шла ожесточенная борьба вокруг путей развития страны. «Дети», как представители молодой революционно-демократической России, не могли и не желали жить по-старому, искали но-

вых путей, подвергали сокрушительной критике все основы жизни «отцов», людей старого, отжившего феодально–крепостнического строя.

В такой сложной обстановке, когда основа старого феодального уклада жизни рушилась, а новые буржуазные отношения только что начинали укладываться, Тургеневым и был написан роман «Отцы и дети», который явился вершиной его творчества и в то же время самым сложным и самым противоречивым его произведением. В нем во всей полноте проявились сокровенные чувства и помыслы писателя со всеми их сильными и слабыми сторонами.

Н. Лощинин

«Отцы и дети» — первый роман нового периода литературной деятельности Ивана Сергеевича Тургенева, в котором он вывел перед нами ряд представителей новых идей, народившихся к шестидесятым годам XIX века.

По своим идеям, симпатиям и своему мировоззрению они были совершенно противоположны представителям сороковых годов. Это были материалисты, смотревшие на жизнь прямо; к жизни они применяли, прежде всего, требование полезности, и все эстетические потребности предшествующего поколения казались им мечтательным вздором. Легко понять, какой глубокий внутренний разлад лежал между старым поколением и новым, приходящим ему на смену, и с какою грустью, с каким живым недоумением старое поколение молчаливо уступало свое место нарождающимся новым практическим деятелям.

М. Быстров

Ни одно произведение Тургенева не вызвало столько шума и столько разногласий, как роман «Отцы и дети», появившийся в 1862 году. Одни находили, что роман этот есть сатира на молодое поколение, и что все симпатии автора на стороне отцов; другие, напротив, говорили, что осмеяны и опозорены в романе отцы, а молодое поколение превознесено. Такое разногласие произошло оттого, что Тургенев в этом романе изобразил совершенно новое лицо — Базарова. Многие не могли понять характера его и потому задавались даже вопросом, есть ли действительно такие люди, как Базаров. Нет сомнения, что Базаров — живой тип, а не сочиненный. «В основание главной фигуры Базарова, — говорит Тургенев в своих «Литературных воспоминаниях», — легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача... В этом замечательном человеке воплотилось, на мои глаза, то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно». Если мы не видим в действительности людей, вполне похожих на Базарова, то все-таки нельзя от-

рицать того, что есть множество людей, с какой-либо стороны напоминающих Базарова. Ведь Плюшкина, в действительности, мы также нигде не встречаем, однако это не доказывает того, что Плюшкин — лицо сочиненное, а не живое. Если никто не проповедовал и не проповедует всей системы убеждений Базарова, то это не доказывает того, что нет людей, высказывающих его мысли отрывочно. Эти отрывочные мнения Тургенев воплотил цельно, полно и стройно в Базарове.

И. Глебов

В своем произведении «Отцы и дети» Тургенев изобразил новое движение в обществе, в особенности среди молодого поколения. Как известно, в романе идет речь о представителе течения, названного Тургеневым «нигилизмом». Все учение Базарова, представителя этого течения, полностью не использовалось никем из современной молодежи, но отдельные части его, отдельные мысли, приходилось встречать на каждом шагу. Это было в ту пору, когда общество как бы начало пробуждаться от спячки и застоя. Движение выразилось, главным образом, в увлечении молодежи материалистическими учениями, естественными науками.

Роман «Отцы и дети» вызвал целую бурю разноречивых мнений: одни укоряли автора в том, что он будто развенчивает молодое поколение и таким образом является противником прогресса, другие говорили противное.

В романе описывается жизнь двух поколений — поколения отцов, дворян, воспитанных на началах идеалистических философских учений, и сменяющего стариков молодого поколения, отрицающего то, что отцы считали истиной. На автора сыпались главным образом вопросы: «За кого стоит он сам? — за Базарова или за старое поколение?» В этом заключается для многих весь смысл романа. Нужно заметить, что Тургенев старался рисовать с одинаковой беспристрастностью оба поколения, передавал в романе то, что давала сама жизнь. Если же говорить о его симпатиях, то, очевидно, они склонялись на сторону молодежи; это явствует из многих мест в его письмах, где он касается этого вопроса.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Роман был задуман Тургеневым в августе 1860 г., через год закончен, в феврале 1862 г. напечатан в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник». Позже Тургенев писал: «...В основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача (он умер незадолго до 1860 г.). В этом замечательном человеке воплотилось, на мои глаза, то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно: я... напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня

окружало, как бы желая проверить правдивость собственных ощущений. Меня смущал следующий факт: ни в одном произведении нашей литературы я даже намек не встречал на то, что мне чудилось повсюду...»

И вот в новом тургеневском романе главным героем выступил представитель тех «новых людей», «русских Инсаровых», которые с конца 50-х годов входили в русскую общественную жизнь и во главе которых, на передовых идейных позициях, стояли Чернышевский, Добролюбов, Писарев.

Отношение Тургенева к «новому человеку» было, по его же словам, не вполне ясным: Базаров был его «враг», к которому он чувствовал «невольное влечение». Сам комментируя свое произведение, Тургенев писал: «Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса...» И еще: «Это — торжество демократизма над аристократией».

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев

Подъем общественного самосознания, вызванный падением крепостного права и реформами, выдвинул на сцену новых людей, и Тургенев обращает свой взор в те новые сферы, которые шли на смену усадебному миру. Чуткий художник, откликнувшийся на все новые общественные и умственные течения в русском обществе, — Тургенев изменил бы себе, если бы не попытался изобразить разночинца, этого нового героя, победоносно завоевавшего себе господствующее место на исторической арене.

Самое заглавие «Отцы и дети» свидетельствует о том, что роман должен был представлять борьбу двух поколений. Никто лучше Писарева не определил отношения Тургенева к его героям. Он верно угадал, что Тургенев не был вполне на стороне ни «отцов», ни «детей». С отцами его связывало органическое сродство душ, но еще в Рудине и Лаврецьком он сумел пропеть им отходную. «Дети» были чужды ему, но он словно с завистью любовался на некоторые их качества, недостававшие его сверстникам. В то время, как одни считали Базарова карикатурой на молодое поколение, а другие негодовали за то, что автор «ползал у ног Базарова», Писарев писал: «Тургенев смотрит на настоящее с высоты прошедшего. Развитие его личного мирозерцания окончилось, но способность наблюдать за движением чужой мысли, понимать и воспроизводить все ее изгибы осталась во всей своей свежести и полноте... Представители прошлого, «отцы», изображены с беспощадной верностью; они люди хорошие, но об этих хороших людях не пожалеет Россия; в них нет ни одного элемента, который действительно стоило бы спасать от могилы и забвения: а между тем есть и такие минуты, когда этим отцам можно полнее сочувствовать, чем самому Базарову».

П. Коган

Базаров

Представителем новой, революционно-демократической России в романе, несомненно, является Базаров. В образе Базарова Тургенев запечатлел характерные черты передовых людей эпохи, судьба которых была тесно связана с жизнью крепостных масс. Тургенев говорил, что отрицательное направление, представленное этим образом, не есть частное явление, оно — выражение «новейшей нашей современности». «Он — в моих глазах — действительно герой нашего времени», — писал Тургенев. У него имелись единомышленники, разделявшие его убеждения. Так, в споре с Павлом Петровичем Базаров заявляет: «Нас не так мало, как вы полагаете». Небезынтересно знать, как вынашивал Тургенев образ Базарова. «Он так завладел мной, что я вел от его имени дневник, в котором он высказывал свои мнения о важнейших текущих вопросах — религиозных, политических и социальных», — рассказывал Тургенев. Это свидетельствует о том, что образ Базарова создавался и обдумывался автором на протяжении длительного времени и что в нем запечатлелись черты характера, которые были близки писателю и глубоко волновали его.

По своему происхождению Базаров — сын лекаря, а дед его пахал землю; по воспитанию и убеждениям — он демократ, представитель сословия, начинавшего играть в ту пору важную историческую роль. Демократизм Базарова проявлялся и во взглядах на жизнь, и во взаимоотношениях с крестьянскими ребятами, с дворовыми Кирсановых, и в спорах с Павлом Петровичем, и в его внешнем облике — он

был бедно одет, у него красные, трудовые руки, не знавшие перчаток. Внешний вид Базарова произвел такое неприятное впечатление на старшего Кирсанова, что тот счел для себя неприличным поздороваться с ним за руку и лишь после осведомился о нем, спросив через своего племянника: «Кто сей, волосатый?». Но если Павел Кирсанов увидел в Базарове чужого человека, то для простого народа — дворовых, крестьянских детей он — свой, близкий.

Наука — главная страсть и цель жизни Базарова, он посвятил ей годы учебы в университете, где формировались его материалистические взгляды на природу и общество. Идея активного вмешательства в жизнь, научного ее познания, защита отдельных положений дарвинизма, отрицание идеализма, романтизма — все это несомненные достоинства Базарова. Но вместе с тем он нередко впадал в вульгарный материализм. Главная причина здесь — в слабости его философских воззрений. Его теория познания примитивна, одностороння. Он, например, сложный психический процесс познания сводил лишь к ощущениям, нисколько не учитывая при этом роли теоретических обобщений, «...я придерживаюсь отрицательного направления, — говорил Базаров, — в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и basta! Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? — тоже в силу ощущения. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут». Здесь обнаруживается философская ограниченность Базарова.

И, тем не менее, Базаров подкупает читателя своей страстной верой в науку, в ее действенную силу, в то, что она должна служить человеку, облегчать его жизнь. В этом смысле Базаров — гуманист, отдавший себя служению народу. Он был глубоко убежден, что с помощью положительных знаний и опытов можно понять и объяснить явления природы, болезни людей, пороки современного общества. «Мы приблизительно знаем, — говорил он Одинцовой, — отчего происходят телесные недуги; а нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы, от безобразного состояния общества, одним словом. Исправьте общество, и болезней не будет». Благополучие народа он, следовательно, ставил в прямую зависимость от общественных условий жизни. В исправлении и улучшении общества науке отводилась едва ли не решающая роль. И это понятно. Разрушать старое без достаточной научной мотивировки нелепо. Поэтому у Базарова сложились свои взгляды на воспитание, на труд, на науку и искусство, на принципы, на аристократию, на женщину, на современное общество и т.д. Все эти вопросы занимали его мысль. На некоторые из них он давал чеканные ответы в виде афоризмов. Внутренняя сила Базарова, постоянная работа мысли, смелость и оригинальность суждений — все это обра-

щало на себя внимание. Так, писатель не без некоторой скрытой иронии замечал, что даже Павел Петрович иногда просил позволения присутствовать при его опытах, и раз даже «приблизил свое равнодушное и вымытое отличным снадобьем лицо к микроскопу для того, чтобы посмотреть, как прозрачная инфузория глотала зеленую пылинку». Кирсанов-старший поставил перед Базаровым целый ряд вопросов, чтобы выяснить, кто он — материалист? проповедник? обличитель? И т.д. Ответы Базарова свидетельствуют о том, что поставленные перед ним вопросы не были для него неожиданностью. Над ними он не раз думал. «Прежде, в недавнее еще время, — сказал Базаров, — мы говорили, что чиновники наши берут взятки, что у нас нет ни дорог, ни торговли, ни правильного суда». Но эти обличительные приемы борьбы не достигли цели и нередко превращались в бессмысленную болтовню, которую с охотой поддерживали официальные круги. Базаров ясно понял, что «болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к доктринерству». Обвиняя «обличителей», «умников», толковавших о «каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем» еще, герой Тургенева указывал на то, что они забывали о самом главном — о хлебе насущном, о грубейших суевериях, душивших народ.

Базаров пришел к необходимости отрицания всей современной ему социальной системы и того, что «страшно вымолвить», т.е. царя и бога. «В теперешнее время, — говорил он, — полезнее всего отрицать — мы отрицаем». Своим страстным отрицанием отживших форм общественной жизни, аристократических принципов, Базаров близок к революционным демократам, но, в отличие от них, у него нет ясной положительной программы. В этом, конечно, прежде всего сказалась слабость политических воззрений самого Тургенева. Безгранично веря в науку, полезную для общества (например, химию, медицину), Базаров нигилистически относился к искусству (поэзии, живописи, музыке). Оно в его представлении ассоциировалось с романтизмом, мечтательностью. На чтение стихов Пушкина, на рассматривание картин Рафаэля, на игру на виолончели, по его понятиям, нельзя тратить время: все это бесполезные вещи, не имеющие никакого практического смысла. Базаров никак не учитывал действенной, воспитательной, эстетической силы искусства, игравшего огромную роль как в развитии и формировании отдельной личности, так и общества в целом.

Итак, в образе Базарова своеобразно воплощено то новое, что было свойственно разночинцам-демократам. В нем Тургенев показал силу ума и воли, смелость и оригинальность суждений, направленных на разрешение обветшалых аристократических принципов, на борьбу с общественными язвами, а также отметил его трудолюбие и энтузиазм,

неугасимую страсть к естественным наукам, которые он ставил превыше всего. Но вместе с тем, Тургенев запечатлел в нем ряд таких черт характера, которые получили известность под названием «базаровщины». В этом сказалась слабость писателя, не сумевшего до конца разобраться в значении этого образа в новых исторических условиях. Тургенев сам признавался, что в процессе работы ему «мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на гибель, потому, что она все-таки стоит в преддверии будущего». На самом же деле ростки нового, которые он так зорко заметил, не увяли бесследно. Они пробивали каменистую почву, выбивались на поверхность, развивались и крепили.

Н. Лощинин

Положительным героем романа является, конечно, Базаров. Тургенев искренне хотел понять и правдиво показать черты нового человека, вжиться в его образ. С этой целью писатель в течение почти двух лет вел дневник от имени Базарова, занося в него впечатления своего героя, как они представлялись Тургеневу. «Базаров — это мое любимое детище, на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски», — писал Тургенев. И несомненно, что главным, определяющим в изображении героя романа явилось чувство симпатии писателя к Базарову, признание превосходства его над отживающей свой век дворянской интеллигенцией. В неизменных победах Базарова над Павлом Петровичем Кирсановым сам Тургенев видел «торжество демократизма над аристократией».

Тургеневу импонирует в Базарове его критическая настроенность к дворянской интеллигенции, его ум и научное мышление, его стремление к практической деятельности, его честность и правдивость.

Базаров — нигилист, по определению Тургенева. Нигилизм Базарова означал, что разночинца-демократа не удовлетворяют мелкие улучшения жизни, частичные ее исправления. Базаров — не либеральный реформатор. Ему не страшна борьба. Он готов драться.

Идеалисты 30-х годов любили рассуждать по поводу несовершенства мира; они искали объяснения этому несовершенству. Но они были далеки от того, чтобы приняться за изменение мира, им не хватало практического отношения к действительности. Базаров — человек дела, практики. Несовершенство общества и общественные болезни он объясняет характером самого общества, выдвигая практическое требование об изменении этого общества. «Мы приблизительно знаем,

отчего происходят телесные недуги, а нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы, от безобразного состояния общества, одним словом, — говорит Базаров, — исправьте общество, и болезней не будет. Так рассуждали русские демократы-просветители 60-х годов. Их просветительство было революционным: они не только объясняли мир, они стремились изменить его. Базаров был типичным их представителем и в этом отношении. Он требует уничтожения и замены самых основ современного ему общества. В этом смысле образ Базарова являлся отрицанием феодально-крепостнического строя, типическим выражением сущности демократического движения 60-х годов.

В непримиримо отрицательном отношении Базарова ко всему крепостническому прошлому, несомненно, отразились революционные устремления передовой демократической молодежи 60-х годов и ее связь с чаяниями народных масс.

В нигилизме Базарова сам автор усматривал проявление революционности. «Если он называется нигилистом, то надо считать революционером», — писал Тургенев.

И все же Базаров вовсе не предполагает ограничить свою жизнь практицизмом, не воодушевленным никакой целью. Лишенный какой-либо рисовки и хвастовства, он все же говорит, что готовит себя к тому, чтобы делать много дел; свои настроения, свой критицизм он связывает с «народным духом». Сам Тургенев указывает, что «отрицатели более чутки к требованиям народной жизни», чем защитники абстрактно-идеалистических «принципов». Базаров чувствует свою органическую связь с народной средой не только в силу своего происхождения, но, прежде всего, потому, что сам он, как и всякий крестьянин, человек труда и опыта.

Базаров бичует в народе как раз то, чем восхищается в нем Павел Петрович, — патриархальность, духовную отсталость и консерватизм, то, что народ «свято чтит предания» и «не может жить без веры».

Тургенев не раскрыл позитивных идей Базарова, его конкретной социально-политической программы, которая к этому времени была уже выработана в передовых демократических кругах. Тургенев наделил своего героя душевной раздвоенностью, заставил его страдать по поводу того, что, якобы, жизнь его ничтожна, испытывать пессимистические настроения. «Мои родители заняты, не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит... а я... я чувствую только скуку и злость», — заявляет Базаров. Конечно, подобная раздвоенность не была присуща в действительности разночинско-демократической молодежи 60-х годов, цельному ее характеру, не была типична в ее среде, противоречила самой социально-исторической сущности русского

демократического движения 60-х годов. И фраза Базарова о том, какое ему дело, что у мужика будет новая изба, тогда как из него будет лопух расти, конечно, не являлась типичной в устах подлинного демократа. Здесь появилось отрицательное отношение самого Тургенева к идее крестьянской революции. Полна большого исторического смысла сцена разговора Базарова с мужичком, освещающая недоверие крестьянина ко всему, что шло сверху, что выступало перед ним в господском обличье. «Иногда Базаров отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновению, вступал в беседу с каким-нибудь мужиком. «Ну, — говорил он ему, — излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории, — вы нам дадите и язык настоящий и законы!». Мужик либо не отвечал ничего, либо произносил слова вроде следующих: «А мы можем... тоже, потому, значит... какой положен у нас, примерно, предел». «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? — перебивал его Базаров, — и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?» «Это, батюшка земля стоит на трех рыбах, — успокоительно, с патриархально-добродушною певучестью, объяснял мужик, — а против нашего, то есть, миру, известно господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику». Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрел вояси. «О чем толковал? — спросил у него другой мужик, средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. — О недоимке, что ль?»

— Какое о недоимке, братец ты мой! — отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а, напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, — так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

— Где понять! — отвечал другой мужик и, тряхнув шапками и осунув кушаки, оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах».

В этой сцене Тургенев не только высмеивает славянофильские представления о патриархальных настроениях крестьянства. «Патриархально-добродушная певучесть» в голосе мужика — лишь привычная для него маска в разговоре с баринком, от которого всегда надо ждать какой-нибудь неприятности вроде требования недоимки. Наивно-кроткое поддакивание барину, мужицкая хитринка, нежелание высказаться и подмена слов чуть не междометиями — все это, являясь выработанной поколениями формой разговора крестьянина с баринком, сменяется сразу суровостью и осуждением барской пустоты и языкочесания.

Тургенев освещает в этой сцене сложившиеся веками рознь и недоверие между баринком и мужиком, комментирует самоуверенное выс-

казывание Базарова о том, что он свой человек для крестьян, примечательной фразой: «Увы! Презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового». Характерно, что разговор у Базарова происходит с мужиком из деревеньки отца, который весьма мало походил на помещика и барина.

В образе Базарова многое исторически верно и чутко подмечено Тургеневым. Базаров — представитель разночинской демократической молодежи. Это натура гордая, не склоняющаяся ни перед какими авторитетами, все подвергавшая суду мысли, все подчинявшая практическим требованиям жизни. Он прошел суровую и самостоятельную школу жизни.

По складу своего характера Базаров — личность активная, деятельная. Бесстрашие Базарова, сила его воли ярко проявились в сцене его трагической смерти.

К числу противоречивых черт личности Базарова относят обычно противоречие между его высказываниями о любви и пробудившимся в нем большим чувством к Одинцовой. Но по существу Тургенев показывает здесь не противоречие между словом и делом, никак не свойственное Базарову, а победу искреннего чувства над некоторыми ложными понятиями. «В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе». Как и в других своих произведениях, Тургенев на Базарове показывает могучую силу любви, ее торжество над молодостью, несмотря на все надуманные теории. Тем самым он раскрывает в Базарове ту человечность, в которой ему отказывали противники «нигилистов». Можно увидеть в изображении победы романтизма над нигилизмом насмешку над Базаровым. Но подлинный смысл ситуации состоит как раз в обратном. Для Тургенева любовь, способность человека глубоко чувствовать всегда являлись высоким критерием. Поэтому писатель стремится не осмеять Базарова, а, напротив, возвысить его, показать, что в этих сухих и черствых, казалось бы, нигилистах таится гораздо более мощная сила любви, чем в рассиропившемся перед Катей Аркадии. Сильный и целостный характер сильнее и чувствует.

Тургенев наградил Базарова тем, что очень высоко ценил в человеке. Сопоставляя Базарова и Аркадия, Тургенев отвергал и антиэстетизм первого и сладенькую романтику второго. С большим сочувствием Тургенев показал в своем герое ту готовность действовать, ту силу воли, целеустремленность, твердость характера и ясность ума, которых крайне

не хватало не только «отцам», но и некоторым их «детям», типа Аркадия. Базаров предвидит свою суровую, в будущем, полную лишений и вероятной борьбы, столь типичную для поколения разночинцев-демократов 60-х годов жизнь. «Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан, — говорил он Аркадию. — В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится... мы драться хотим... нам других подавай. Нам других ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мяконецкий, либеральный барич...»

Человек будущего, положительный герой русской жизни со стороны внутреннего его мира рисовался писателю как сочетание критического разума, сильного, волевого, целеустремленного характера базаровского типа и нежного, способного чувствовать красоту и любовь, сердца.

Однако, в судьбе разночинца-демократа любовь и не могла играть той всеопределяющей роли, которую она играла в жизни «лишнего человека». И не случайно в «Отцах и детях» тема любви занимает второстепенное место.

Подчеркивая скептическое отношение Базарова к искусству, к поэзии, Тургенев раскрывал черту, которую он наблюдал у некоторых представителей демократической молодежи. «Рисуя фигуру Базарова, — замечает сам писатель, — я исключил из круга его симпатий все художественное, я придавал ему резкость и бесцеремонность тона — не из нелепого желания оскорбить молодое поколение (!!!), а просто вследствие наблюдений над моим знакомцем, доктором Д., и подобными ему лицами». То пренебрежительное отношение к Пушкину, которым Тургенев наделяет Базарова, не было вымыслом писателя, а являлось чертой многих представителей молодого поколения 60-х годов. Чуткий ко всем стремлениям молодого поколения, Тургенев изобразил в Базарове тип молодого человека, верящего исключительно в науку и относящегося презрительно к искусству и религии.

Сложным является вопрос и об отношении Базарова к природе. Наделяя своего героя равнодушием к красотам природы, Тургенев, несомненно, обеднял облик демократа. Нельзя не отметить, что Базаров, видевший в природе не храм, а мастерскую, отрицает дворянское, эстетско-романтическое, созерцательное ее восприятие. И в этом смысле его отношение к природе отразило одну из характерных черт в мировоззрении разночинца-демократа 60-х годов.

С. Петров

Базаров — носитель новых идей. Он живет и действует в среде представителей старого «идеального» направления, и тем резче на этом

фоне выступает перед нами его любопытная фигура.

«Что такое Базаров? — спрашивает Аркадия Павел Петрович, представитель «отцов».

Аркадий усмехнулся. — Хотите, дядюшка, я вам скажу, что он собственно такое?

— Сделай одолжение, племянничек.

— Он нигилист.

— Как? — спросил Николай Петрович, а Павел Петрович поднял на воздух нож с куском масла на конце лезвия и остался неподвижен.

— Он нигилист, — повторил Аркадий.

— Нигилист, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает?

— Скажи: который ничего не уважает, — подхватил Павел Петрович, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится с критической точки зрения, — заметил Аркадий.

— А это не все равно? — спросил Павел Петрович.

— Нет, не все равно. Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип».

Действительно, в мыслях и на словах Базаров неустрасим. Никаких выводов он не боится, и открыто презирает и значение искусства и уважение к женщине и чувство сыновней любви. Он забывает даже такое чувство, как чувство неприкосновенности дома, где принят как гость. При виде же глумленья над отцом Аркадия и его непристойного ухаживания за Феничкой, мы не можем не чувствовать крайнего возмущения против него.

Его сухие отношения к глубоко любящим его старикам возмущают нашу душу. Но в своем отрицании всеми уважаемых принципов он далеко не последователен. Так, он презирает помещичью среду — и целые недели проводит в усадьбе Кирсановых; он не признает дуэли — и дерется с Павлом Петровичем; он смеется над романтической любовью, ищет, чтобы из отношений к женщине выходил, как он говорит, толк, — и не только теряется перед Одинцовой, но и выносит из ее дома едва ли не разбитое сердце; презирает мужика — и умирает из-за мужика. И невольно возникает сомнение, действительно ли силен Базаров, не заключают ли в себе его слова внутренней лжи, и способен ли он в действительности к жизненной борьбе? Невольно чувствуется несколько ироническое отношение Тургенева к этому «сильному» герою и его взгляд на это новое, материальное настроение шестидесятников.

Тургенев выделяет Базарова из всех окружающих его людей одного с ним лагеря. Он высоко поставил его над Ситниковым, Кукшиной, вынесшими из новых идей только новый способ времяпрепровождения. Он возвысил Базарова и над другим его, прекраснородушным Аркадием. В лице Базарова Тургенев имел намерение представить тип лучших представителей молодого поколения шестидесятых годов. Происходя из плебейского рода, Базаров вынес от своих предков ту жилку усидчивого трудолюбия, тот физический и нравственный закал, которые так резко отличают его от мягкосердечных, дряблых, ленивых и жиденьких натурашек кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы из-за куска хлеба, из-за желания пробиться собственной энергией без всякой посторонней помощи, заставила его пройти сквозь огонь и воду и еще более закалила. Мы видим перед собой человека, который не ограничивается одними фразами о пользе труда, а сам трудится без усталости. Едва приехал он к Кирсановым, и на другое же утро принялся за свои исследования. Что очень верно сумел подметить Тургенев в Базарове, это его естественное отношение к простым людям, снискавшее братское расположение к нему со стороны этих людей, что, как известно, дается очень немногим, несмотря на все выканы и рукопожатия, которые они расточают простому народу от всей своей щедрой души.

«Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: Аркадий сибаритствовал, Базаров работал. Все в доме привыкли к нему, к его небрежным манерам, к его немногосложным, отрывочным речам. Феничка в особенности до того с ним освоилась, что однажды ночью велела разбудить его: с Мишей сделались судороги; и он пришел и, по обыкновению, полушутя, полузевая, просидел у нее часа два и помог ребенку. Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, плебеєм; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его, его — Павла Кирсанова! Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста» и сомневался в пользе его влияния на Аркадия; но он охотно его слушал, охотно присутствовал при его физических и химических опытах. Базаров привез с собою микроскоп и по целым часам с ним возился. Слуги также привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и, искоса, значительно посматривала на него, пробегая мимо «перепелочкой». Петр, человек до крайности самолюбивый и глупый, вечно с напряженными морщинами на лбу, — человек, которого все достоинство

состояло в том, что он глядел учтиво, читал по складам и часто чистил щеточкой свой сюртучок, и тот ухмылялся и светлел, как только Базаров обращал на него внимание; дворовые мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки. Один старик Прокофьич не любил его, с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья, называл его «живодером» и прощелыгой и уверял, что он с своими бакенбардами — настоящая свинья в кусте. Прокофьич, по-своему, был аристократ не хуже Павла Петровича».

Вот какими чертами изображает Тургенев Базарова. Это не фразер, а труженик, не шарлатан, скрывающий под маскою грошового отрицания отсутствие всяких положительных знаний, а человек, при всей своей молодости успевший запасть солидными сведениями. Такие люди не говорят с чужого голоса звонких фраз, значение которых сами плохо понимают, а высказывают то, что сознают, до чего додумались путем жизненного и научного опыта.

А. Скабичевский

Главный интерес романа сосредотачивается на Базарове. Автор ничего не говорит о том, как развился его герой, каким образом могло сложиться такое лицо. Точно так же быстрое окончание романа не дает возможности угадать, какое развитие суждено Базарову впереди. Это молчание имеет основание предполагать, что Базаров образовался не медленным накоплением влияний, а быстрым крутым переломом. Он человек теории, и теория создала его незаметно, без событий, создала одним умственным переворотом. Быстрая смерть Базарова нужна была автору для простоты и ясности картины. Базаров, рано или поздно, должен был измениться. Мы не имеем права упрекать автора за то, что он остановился на одной ступени в развитии своего героя. Показавши нам живой полный тип в лице Базарова, автор вполне исполнил свою задачу.

Базаров, как представитель детей, прежде всего отличается от отцов презрением к барству. Он не признает различия между мужиком и баринном. «Все люди друг на друга похожи как телом, так и душою, — говорит Базаров, — у каждого из нас мозг, селезенка, сердце, легкие одинаково устроены; и так называемые нравственные качества одни и те же у всех; небольшие видоизменения ничего не значат». Правда, Базаров нигде не возвышает протеста против крепостного права, но все его поступки и убеждения свидетельствуют о том, что, по его мнению, крепостное право незаконно. Сильнее всего его протест против барства выражается в прощальных словах Аркадию: «Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не

годится. Ваш брат, дворянин, дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это — пустяки... Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает. Ты славный малый, но ты все-таки мякенький, либеральный барич».

Базаров обладает сильным критическим умом. Он не признает никаких авторитетов. Его приятель Аркадий с гордостью называет его нигилистом. На вопрос Павла Петровича, что такое нигилист, Аркадий объясняет следующее: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру». Базаров отрицает все, что отцами считалось непреложной истиной, именно — «принципы», бесплодные разговоры о которых были в большой моде у Рудиных и Михалевичей. На вопрос Павла Петровича: «В силу чего же вы действуете?», Базаров спокойно отвечает: «в силу того, что мы признаем полезным. В теперешнее время полезнее всего отрицание, мы отрицаем... Сперва нужно место расчистить». В другом месте Базаров заявляет, что он действует в силу ощущений. «Я придерживаюсь отрицательного направления, — говорит он Аркадию, — в силу ощущений. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен и basta! Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? Тоже в силу ощущения — это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут. Не всякий тебе это скажет, да и я в другой раз тебе этого не скажу». Сделавши опыт единственным источником знания, Базаров стал отвергать все: науку, искусство, религию и нравственность.

« — Я уже доложил вам, — говорит Базаров Павлу Петровичу, — что ни во что не верю, и что такое наука, наука вообще? Есть наука, как есть ремесла, знания, а науки вообще не существует вовсе.

— Помилуйте, — сказал тот, — логика истории требует.

— Да на что нам эта логика? — отвечал Базаров, — мы и без нее обходимся.

— Как так?

— Да так же. Вы, я надеюсь, не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда голодны. Куда нам до этих отвличенностей?»

Забываясь только об удовлетворении физических потребностей, Базаров унизил достоинство человека и приравнял его к животному. Отсюда и отношение его к людям, по его теории, должно было отличаться грубостью. Если известное лицо мне не нравится или мешает мне жить, то я могу, по его теории, нагадить ему или убить. Этот ужасный вывод из своей теории Базаров нигде не высказывает, но он подтверждается некоторыми фактами. Так, Базаров однажды обнаруживает поползновение задушить своего нежного приятеля Аркадия, задушить ни с того, ни

с сего, просто потому, что это ему нравится. В другой раз на замечание Аркадия, что нужно стремиться к улучшению жизни крестьян, Базаров держит такую речь: «Вот ты сегодня сказал, проходя мимо избы вашего старосты Филиппа, — она такая славная, белая — вот, сказал ты, Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа, или Сидора, для которого я должен из кожи лезть, и который мне даже спасибо не скажет; да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет, ну а дальше?»

Таким образом, теоретические взгляды Базарова ужасны. Базаров вышел бы извергом, разбойником, если бы следовал своей теории. Но жизнь совершенно разбила все его взгляды. Базаров почти во всем поступает против своих взглядов. Базаров отрицает науку, но на самом деле предан ей всей душой. Он усердно занимается медициной, которая не ограничивается только наблюдением над частными фактами, а, напротив, требует синтетического обобщения, исторических данных и т. п. Базаров старается соблюдать только практические интересы в жизни, но в то же время он исполнен горячей любви к людям. «Странное существо человек, — говорит он, заметив в себе присутствие этой любви, — хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними». Он старается холодно, равнодушно относиться ко всем, но через эту внешнюю холодность брызжет горячая струя любви ко всем. Лица, окружающие Базарова, бессознательно чувствуют в нем любящего человека; вот почему к нему обращено столько привязанностей, сколько не сосредотачивает на себе ни одно из действующих лиц романа. Кроме отца и матери, которые вспоминают и молятся о нем с бесконечной нежностью, Базарова вспоминают и другие лица с искренней любовью; так, в минуту счастья Катя, сестра Одинцовой, и Аркадий чокаются «в память Базарова». Базаров отрицает красоту, поэзию и искусство, а сам на деле искренно влюбляется в Одинцову, увлекается Фенечкой и проч. Базаров честен, правдив и прост с людьми. Таким образом, действительный Базаров совсем не тот, что в теории, которая, как мыльный пузырь, должна была уничтожиться при первом столкновении с действительностью.

Базаров обладает непреклонной силой воли. Он твердо отстаивает свои воззрения и поэтому на каждом шагу вынужден вести ожесточенную борьбу с современными порядками. Протест и самозащита часто бросают его в крайности. Базаров с презрением смотрит на все, способное на уступки или на оговорки. Ничто так Базарова не раздражает, как малейшее отклонение его воли с обычного пути. Базаров, например, по-

чувствовал, что сконфузился перед Одинцовой, и поэтому немедленно рассердился на себя. «Вот тебе раз! — бабы испугался!» — подумал он, и, чтобы совершенно подавить в себе застенчивость, развалился в кресле и заговорил «преувеличенно развязно». Прямота и практическая сила, на взгляд Базарова, самые лучшие добродетели. Он и Одинцовой начинает интересоваться потому, что она — «баба с мозгом», «видала виды», «тертый калач». Действительно, Одинцова — сильная натура; она обладает практическим умом, энергией и самообладанием. Базаров мог полюбить только такую женщину; здесь сила одолевает силу. Встретивши отпор со стороны Одинцовой, Базаров долго не мог успокоиться: «Кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней... он отправлялся в лес и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя... или топал ногою, скрежетал зубами и грозил себе кулаком».

Таким образом, борьба за свои убеждения была для Базарова не легка. Но он твердо надеялся, что победа останется на его стороне. Когда Павел Петрович указал ему, что последователей его всего четыре человека с половиною и миллионы противников раздавят его, Базаров спокойно отвечал:

« — Коли раздавят, туда и дорога. Только бабушка еще надвое сказала. Нас не так мало, как вы полагаете.

— Как? Вы не шутя думаете сладить? Сладить с целым народом?

— От копеечной свечи, вы знаете, Москва сгорела, — ответил Базаров».

Базаров умирает от случайной причины, а не от удара своих противников. Поэтому смело можно предположить, что победа осталась бы на его стороне. Но в этой борьбе многое из его убеждений должно было измениться, отпасть или аргументироваться иным образом.

И. Глебов

Базаров — представитель молодого поколения, нигилист. Характерной чертой, отличительным признаком его направления является отрицание того, что считалось раньше истинным и законным.

В противоположность людям старого поколения, какими в романе являются старые Кирсановы, идеалистам-эстетикам, любящим спорить об отвлеченных вопросах, Базаров признает такого рода споры ненужными. Он признает ненужным также все эстетические чувствования. Он отрицает, во-первых, красоту, даже красоту природы, с точки зрения действия ее на человека. Наслаждение музыкой или поэзией он считает бесполезной глупостью, от которой пора уже отвыкнуть. Он отрицает чувство любви, как по отношению к женщине, так и по отношению к родным или друзьям.

Он отрицает, кроме того, науку вообще, признает только отдельные знания, ремесла. Чем же руководится он при своем отрицании? Он так говорит об этом: «Я придерживаюсь отрицательного направления в силу ощущений. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и баста! Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? Тоже в силу ощущений — это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут...»

Как человек, Базаров — личность сильная, трезвая, жаждущая освободиться от всего, что может наложить пути на его волю.

В борьбе за независимость личности он старается только для самого себя; он борется с энергией, энтузиазмом идеалиста, стремящегося к заветной цели.

Базаров отличается простотой во всем: в разговорах, обращении с людьми; эта простота и служит причиной его быстрого сближения с лицами из простого народа.

В его положении чувствуется глубокий трагизм: он заключает в его полном одиночестве среди окружающих и в невозможности согласовать свои действия с убеждениями. Несмотря на ту ломку, которую он над собой произвел, несмотря на то, что он признал несостоятельность всего старого, в нем осталось еще много элементов этого старого: остались следы верований, привитых в детстве, остались, кроме того, чисто человеческие чувства, которых он в себе уничтожить не мог, хотя и отрицал их.

Несмотря на то, что он не признает чувства любви, оно в нем все же существует. Его любовь к родителям прорывается в сдержанных, но достаточно ясных и доказательных фразах.

Нечто подобное видим мы и в его отношении к Аркадию: на вопрос последнего (при их прощании), неужели у него нет других, более теплых слов, Базаров замечает, что есть — то они у него есть, но высказать их — это было бы с его стороны слабостью, «романтизмом».

Он утверждает, что не может существовать никаких более тонких любовных чувств между мужчиной и женщиной, кроме чисто чувственных, что любовь (так, как ее обыкновенно понимают) чувство напускное, неестественное, а между тем сам поддается этому чувству, ищет случая встретиться с любимой женщиной, занимает ее и перед смертью посылает за ней, желая с ней еще раз увидеться.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Базаров — внук дьячка и сын скромного уездного лекаря, «новый человек», «нигилист» и бунтарь, разночинец, ставивший своей программной задачей: «сперва нужно место расчистить», а «строить» — потом.

У Базарова — лицо «длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и

висячими бакенбардами песочного цвета...» В деревню к Кирсановым он приехал в «длинном балахоне с кистями». Николаю Петровичу он рекомендуется: «Евгений Васильев», слыша сейчас же в ответ: «любезнейший Евгений Васильевич». Едва поселился он в отведенной ему у Кирсановых комнате, как в ней «уже успел установиться какой-то медицинско-хирургический запах, смешанный с запахом дешевого табаку». У него небрежные манеры. Говорит он кратко и отрывисто, не вынуждает себя к любезности. Он резок (иногда умышленно), грубоват (иногда с напускным цинизмом). Его оценки людей прямолинейны и лаконичны: Павел Петрович — «архаическое явление», «уездный аристократ», «идиот»; Николай Петрович — «добрый малый», но «человек отставной, его песенка спета», «божья коровка»; Одинцова — «этакое богатое тело! — хоть сейчас в анатомический театр», «сказано — первый сорт», «баба с мозгом», «тертый калач».

Базаров говорит о самом себе, что он «не мягкое существо», что «изящная сторона жизни» ему, выросшему «при серой обстановке трудовой жизни», по словам Писарева, недоступна. Отца он просит «не нежничать», Аркадия — «не говорить красиво». Во всем, что он говорит о Пушкине, сквозит подчеркнутое пренебрежение к враждебной ему дворянской идеалистической эстетике отцов. В спорах с Павлом Петровичем он выступает отрицателем всяческих авторитетов, принципов, всякого романтизма, и слово «романтизм» на его языке — одно из самых бранных. Врач и естественник по образованию, материалист, человек, совершенно неспособный притворяться и лицемерить, он чеканит свои афоризмы: «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта»; «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»; «Рафаэль гроша медного не стоит»; «я ничьих мнений не разделяю — я имею свои»; «лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца». В доме Кирсановых среди «феодалов», «барчуков проклятых» ему не по себе. Уезжая от Одинцовой с тем чтобы «плюхнуть в свою стихию», он сетует, что «слишком долго вращался в чуждой для него сфере», и признается Аркадию: «С тех пор как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше».

Если некоторые из этих черт снижают образ Базарова, то в противовес им Тургенев выдвигает в своем герое ряд явно перевешивающих, сильных и привлекательных черт, делающих его бесспорным победителем «феодалов».

Базаров — человек острого, сильного ума, крепкая, волевая, честная натура. Его ненависть к «безобразному состоянию общества» ис-

кренна и глубока. «Настоящий человек», — говорит Базаров, — это тот, кого «надобно слушаться или ненавидеть». И он, умея вызывать ненависть других, умеет и сам многих ненавидеть. Без напускного хвастовства он признается, что еще не встречал человека, который бы не «спасовал» перед ним. Он «сам себя воспитал». Он «владел особенным умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя он никогда не потакал им и обходился с ними небрежно». Он — враг «болтовни» и «фразы». В нем здоровая простота и настоящая человеческая гордость, он склонен к шутке и иронии. Он сразу завоевал симпатию Фенички, уважение Николая Петровича, «поразил воображение» Одинцовой, «дворянские мальчишки бегали за «дохтуром», как «собачонки». Когда пришла к нему «сильная и тяжелая» страсть, он сумел одержать над ней нелёгкую победу, и насколько он здесь оказался выше и человечнее той женщины, которая больше всего на свете дорожила своим «спокойствием» и которую сам Тургенев охарактеризовал как «представительницу наших праздных, мечтающих, любопытных и холодных барынь-эпикуреек, наших дворянок».

В истории дуэли с Павлом Петровичем Базаров проявил себя в более выгодном свете, чем его противник, вынужденный признать, что «господин Базаров вел себя отлично». Несомненно его затаенная под внешним равнодушием большая любовь к своим «старикам». Великолепно написанные сцены его болезни и смерти довершают образ Базарова чертами глубокой и сильной жизненной правдивости.

Но в романе нет биографии Базарова, нет истории того, как он вырос и сложился, а главное, он показан вне своей деятельности: читатель не видит ни базаровского «дела», ни той среды, где Базаров — «свой». Отсюда — неполнота его образа, в котором не дорисованы черты Базарова-деятеля. Есть и недосказанность его политических взглядов, объясняемая тем, что он гостит у «чужих» — «феодалов» Кирсановых, у «герцогини» Одинцовой. С кем из них он может говорить о своем «деле» всерьез, найти сочувствие и единомыслие? Якобы передовая женщина Кукшина, «либерал» в «славянофильской венгерке» Ситников еще менее могут вызвать Базарова на полную откровенность. «Чужой» он и под родительским кровом. Для отца он — будущий знаменитый медик, для матери «Енюша» и «красавчик», и когда он с ней, ему «сказать нечего». В частном письме Тургенев комментировал: «нигилист» — это значит революционер». Либерал, конституционалист, «постепеновец», Тургенев не мог, разумеется, видеть в нигилисте Базарове своего положительного героя. Но он хотел, чтобы читатель «полюбил» Базарова (но отнюдь не «базаровщину» — практику общественной «ломки») «со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью». Он не хотел при-

давать ему ненужной «сладости», делать его «идеалом», а «сделать его волком» и все-таки «оправдать его». В Базарове ему «мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоит еще в преддверии будущего...» Образом Базарова Тургенев высказывал мысль: «русские Инсаровы» пришли, но не пришло еще их время. Базаров говорит Аркадию на прощанье: «...мы прощаемся навсегда... для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. Ваш брат, дворянин, дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь — и уже воображаете себя молодцами, — а мы драться хотим. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарают, да ты и не дорос до нас, ты невольно любишь себя собою, тебе приятно самого себя бранить; а нам это скучно — нам других подавай! Нам других ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенький, либеральный барич... Прощайте, синьор!»

В этих словах Базарова выступают главные черты его социального облика, раскрывается и основной замысел романа — конфликт «синьоров» и «нигилистов», «отцов» и «детей», между которыми не может быть примирения и единства.

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев

Базаров — человек сильный по уму и характеру — составляет центр всего романа. Он представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчетливо вырисовывается перед воображением читателя.

Базаров — сын бедного уездного лекаря; Тургенев ничего не говорит о его студенческой жизни, и надо полагать, что то была жизнь бедная, трудовая, тяжелая; отец Базарова говорит о своем сыне, что он у них отроду лишней копейки не взял; по правде сказать, многого и нельзя было бы взять даже при величайшем желании; следовательно, если старик Базаров говорит это в похвалу своему сыну, то это значит, что Евгений Васильевич содержал себя в университете собственными трудами, перебивался копеечными урюками и в то же время находил возможность дельно готовить себя к будущей деятельности. Из этой школы труда и лишений Базаров вышел человеком сильным и суровым; прослушанный им курс естественных и медицинских наук развил его природный ум и отучил его принимать на веру какие бы то ни было понятия и убеждения; он сделался чистым эмпириком; опыт сделался для него

единственным источником познания, личное ощущение — единственным и последним убедительным доказательством. «Я придерживаюсь отрицательного направления, — говорил он, — в силу ощущений. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и баста! Отчего нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? Тоже в силу ощущения — это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут. Не всякий тебе это скажет, да и я в другой раз тебе этого не скажу». Как эмпирик Базаров признает только то, что можно ощущать руками, увидеть глазами, положить на язык, — словом, только то, что можно освидетельствовать одним из пяти чувств. Все остальные человеческие чувства он сводит на деятельность нервной системы; вследствие этого наслаждение красотами природы, музыкой, живописью, поэзией, любовью женщины вовсе не кажутся ему выше и чище наслаждения сытным обедом или бутылкой хорошего вина. То, что восторженные юноши называют идеалом, для Базарова не существует; он все это называет «романтизмом», иногда вместо слова «романтизм» употребляет слово «вздор»...

Базаров отличается замечательным умом, и это производит сильное впечатление на сталкивающихся с ним людей. «Настоящий человек, — говорит он, — тот, о котором думать нечего, а которого надобно слушаться или ненавидеть». Под определение настоящего человека подходит именно сам Базаров; он постоянно сразу овладевает вниманием окружающих людей; одних он запугивает и отталкивает; других подчиняет, — не столько доводами, сколько непосредственной силой, простотой и цельностью своих понятий. Как человек замечательно умный, он не встречал себе равного. «Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мной, — проговорил он с расстановкой, — тогда я изменю свое мнение о самом себе».

Он смотрит на людей сверху вниз и даже редко дает себе труд скрывать свои полупрезрительные, полупокровительственные отношения к тем людям, которые его ненавидят, и к тем, которые его слушаются. Он никого не любит; не разрывая существующих связей и отношений, он в то же время не сделает ни шагу для того, чтобы снова завязать или поддержать эти отношения, не смягчит ни одной ноты в своем суровом голосе, не пожертвует ни одной резкой шуткой, ни одним красным словом...

Базаров ни в ком не нуждается, никого не боится, никого не любит и вследствие этого никого не щадит. В цинизме Базарова можно различить две стороны: внутреннюю и внешнюю, цинизм мыслей и чувств и цинизм манер и выражений. Ироническое отношение к чувству всякого рода, к мечтательности, к лирическим порывам, к излияниям составляет сущность внутреннего цинизма. Грубое выражение этой

иронии, беспричинная и бесцельная резкость в обращении относятся к внешнему цинизму. Первый зависит от склада ума и от общего миро-созерцания; второй обуславливается чисто внешними условиями раз-вития, свойствами того общества, в котором жил рассматриваемый субъект. Насмешливые отношения Базарова к мягкосердечному Кир-санову вытекают из основных свойств общего базаровского типа. Гру-бые столкновения его с Кирсановым и с его дядей составляют его личную принадлежность. Базаров не только эмпирик — он, кроме того, неотесанный бурш, не знающий другой жизни, кроме бездомной, тру-довой, подчас дико-разгульной жизни бедного студента...

Тургеневу пришлось в голову выбрать представителем базаровского типа человека неотесанного; он так и сделал, и конечно рисуя своего героя, не утаил и не закрывал его угловатостей; выбор Тургенева можно объяснить двумя различными причинами; во-первых, личность челове-ка, беспощадно и с полным убеждением отрицающего все, что другие признают высоким, всего чаще вырабатывается при серой обстановке трудовой жизни; от сурового труда грубеют руки, грубеют манеры, грубе-ют чувства; человек крепнет и прогоняет юношескую мечтательность, избавляется от слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, потому что внимание сосредоточено на занимающем деле; а после рабо-ты нужен отдых, необходимо действительное удовлетворение физичес-ким потребностям, и мечта нейдет на ум. На мечту человек привык смотреть, как на блажь, свойственную праздности и барской изнежен-ности; нравственные страдания он начинает считать мечтательными; нравственные стремления и подвиги — придуманными и нелепыми. Для него, трудового человека, существует только одна, вечно повторяющая-ся забота: сегодня надо думать о том, чтобы не голодать завтра. Эта про-стая, грозная в своей простоте забота заслоняет от него остальные, второстепенные тревоги, дразги и заботы жизни; в сравнении с этой за-ботой ему кажутся мелкими, ничтожными, искусственно созданными раз-ные неразрешенные вопросы, неразделенные сомнения, неопределенные отношения, отравляющие жизнь людей обеспеченных и досужных.

Таким образом пролетарий-труженик самым процессом своей жизни, независимо от процесса размышления, доходит до практиче-ского реализма; он за недосугом отучается мечтать, гоняться за идеа-лом, стремиться в идее к недостижимо-высокой цели. Развивая в труженике энергию, труд приучает его сблизать дело мыслью, акт воли — с актом ума. Человек, привыкший надеяться на себя и на свои соб-ственные силы, привыкший осуществлять сегодня то, что задумано было вчера, начинает смотреть с более или менее явным пренебрежением на

тех людей, которые, мечтая о любви, о полезной деятельности, о счастье всего человеческого рода, не умеют шевельнуть пальцем, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить свое собственное, в высшей степени неудобное положение. Словом, человек дела, будь он медик, ремесленник, педагог, даже литератор, чувствует естественное, непреодолимое отвращение к фразистости, к трате слов, к сладким мыслям, к сентиментальным стремлениям и вообще ко всяким претензиям, не основанным на действительной, осязательной силе. Такого рода отвращение ко всему отрешенному от жизни и улетучивающемуся в звуках составляет коренное свойство людей базаровского типа. Это коренное свойство вырабатывается именно в тех разнородных мастерских, в которых человек, изоцряя свой ум и напрягая мускулы, борется с природой за право существовать на белом свете. На этом основании Тургенев имел право взять своего героя в одной из таких мастерских и привести его в рабочем фартуке, с неумытыми руками и угрюмо-озабоченным взглядом, в общество фешенебельных кавалеров и дам.

Но справедливость побуждает выразить предположение, что автор романа «Отцы и дети» поступил таким образом не без коварного умысла. Дело в том, что Тургенев, очевидно, не благоволил к своему герою. Его мягкую, любящую натуру, стремящуюся к вере и сочувствию, коробит от разъедающего реализма; его тонкое эстетическое чувство, не лишенное значительной дозы аристократизма, оскорбляется даже самыми легкими проблесками цинизма; он слишком слаб и впечатлителен, чтобы вынести безотрадное отрицание; ему необходимо помириться с существованием, если не в области жизни, то, по крайней мере, в области мысли, или, вернее, мечты.

Чувствуя невольную антипатию к этому направлению мысли, он вывел его перед читающей публикой в возможно неграциозном экземпляре...

Отношения Базарова к его товарищу бросают яркую полосу света на его характер; у Базарова нет друга, потому что он не встречал еще человека, «который бы не спасовал перед ним»; Базаров один, сам по себе стоит на холодной высоте трезвой мысли, и ему не тяжело это одиночество; он весь поглощен собой и работой; наблюдения и исследования над живою природой, наблюдения и исследования над живыми людьми наполняют для него пустоту жизни и застраховывают его против скуки. Он не чувствует потребности в каком-нибудь другом человеке отыскать себе сочувствие и понимание; когда ему приходит в голову какая-нибудь мысль, он просто высказывается, не обращая внимания на то, согласны ли с его мнением слушатели и приятно ли действуют на них его идеи. Чаще всего он даже не чувствует потребности высказаться; думает про себя и изредка роняет беглое замечание, которое обыкно-

венно с почтительной жадностью подхватывают прозелиты и птенцы, подобные Аркадию. Личность Базарова замыкается в самой себе, потому что вне ее и вокруг нее почти вовсе нет родственных ей элементов. Эта замкнутость Базарова тяжело действует на тех людей, которые желали бы от него нежности и общительности, но в этой замкнутости нет ничего искусственного и преднамеренного. Люди, окружающие Базарова, ничтожны в умственном отношении и никоим образом не могут расшевелить его, поэтому он и молчит или говорит отрывочные афоризмы, или обрывает начатый спор, чувствуя его смешную бесполезность.

Базаров не важничает перед другими, не считает себя гениальным человеком, непонятым для своих современников или соотечественников; он просто принужден смотреть на своих знакомых сверху вниз, потому что эти знакомые приходятся ему по колено. Что ж ему делать? Ведь не садиться же ему на пол для того, чтобы сравняться с ними в росте? Не прикидываться же ребенком для того, чтобы делиться с ребятами их недозрелые мысленки. Он поневоле остается в уединении, и это уединение не тяжело для него потому, что он молод, крепок, занят кипучей работой собственной мысли...

Д. Писарев

Базаров — разночинец. Он — сын лекаря и сам с гордостью заявляет, что его дед землю пахал. Впервые Тургенев сделал разночинца центральной фигурой романа.

Базаров, прежде всего, позитивист и материалист. Для него не существует веры, общих принципов и априорных идеалов. «Я не верю ни во что», — говорит он Павлу Петровичу. Порядочный химик в его глазах «в двадцать раз полезнее всякого поэта». Даже «науки вообще» он не признает: «есть науки, как есть ремесла, знания, а наука вообще не существует вовсе». Естествознание представляется ему единственно важным занятием. «Лягушек резать», исследовать природу — вот чему посвящает свои силы Базаров.

Сообразно с этим он считает чепухой, «романтизмом» искусство, красоту, пафос и любовь — все, к чему так восторженно относились идеалисты 40-х годов. Когда ему говорят о принципах, о логике истории, он противопоставляет им только факты, только очевидные материальные побуждения. «Вы не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда вы голодны. Куда нам до этих отвлеченностей». Спор Базарова с Кирсановым — это конфликт спор позитивиста с идеалистом, спор о том, существуют ли прирожденные априорные нравственные представления в душе человека или только одни чувственные восприятия определяют наши поступки и воззрения. «Принципов нет, а

есть ощущения; от них все зависит», — говорит Базаров. Базаров торжествует над Кирсановым. Базаров словно мстит эпохе идеализма за то, что она обманула ожидания общества, — эпохе, когда обличалось взяточничество, говорилось «об отсутствии дорог, торговли, правильного суда». «Мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидели, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе...»

Таким образом, Базаров провозглашает единственным стимул деятельности: потребность. Никаких идеалов, только факты и голые потребности. Он действует в силу того, что признает полезным. Для своего времени он считает самым полезным отрицание, а потому отрицает все без остатка. На замечание Кирсанова, что нельзя только разрушать, необходимо и строить, Базаров отвечает: «Это уж не наше дело... Сперва нужно место расчистить». Эту разрушительную работу, это отрицание он называет нигилизмом.

Отречение, ограничение личности во имя общества и его интересов отрицаются, и на их место возводится культ силы и эгоизма. «Мы ломаем, потому что мы сила». Жизнь есть борьба. Превосходство того или другого начала определяется его силой. Когда Кирсанов говорит, что «миллионы раздавят» этих проповедников-разрушителей, Базаров спокойно замечает: «Коли раздавят, туда и дорога». Всякая личность должна считать свою сущность единственным началом, свое «само» ставить выше всего. Пусть эти самодовлеющие личности борются каждая за свое существование, и в этой борьбе погибнет все слабое и ненужное и удержится все то, что ведет человечество в сверхчеловеческие высоты.

Для Базарова нет ничего священного. Он не признает никаких авторитетов, идолов и кумиров. Даже для народа он не делает исключения. Он смеется над общиной, глумится над верой в мужика, который «рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке», и уверяет, что в «современном нашем быту, в семейном или общественном», нет ни одного установления, которое бы не вызывало «полного и беспощадного отрицания». Его друг Аркадий думает, что всякий должен способствовать счастью мужика. «А я, — говорит Базаров, — и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да на что мне его спасибо. Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет, — ну, а дальше?»

Тургенев не совсем верно изобразил нигилиста-разночинца и ма-

териалиста. Он не мог уловить его положительных стремлений. Идеолог мыслящего барства с его идеализмом и гуманностью мог представить нигилиста только в виде одинокого лишнего человека, страдающего от своего отрицания, рвущегося к служению на благо народа и впадающего в противоречие с собственными теориями. И его Базаров из грубого материалиста и разрушителя не раз превращается в тоскующего лишнего человека, и в словах его звучат речи, которые сводятся к одному мотиву: «хочу послужить людям, но не умею и не знаю как». Временами Базаров завидует своим родителям, которые хлопочут, толкуют, у которых весь день «напичкан занятиями». Временами ему становится грустно при мысли, что часть времени, которую ему удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где его не было и не будет. «А в этом атоме, в этой математической точке, кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже». Он завидует муравью, который тащит упирающуюся полумертвую муху и в качестве животного имеет право не признавать чувства сострадания, «не то, что наш брат...».

Таким образом, Базаров признавал, что человеку не уйти от чувства сострадания, от сознания связи и солидарности с другими людьми, что голый инстинкт и эгоизм возможны только в животном царстве. Не раз выдает он, что ему трудно осуществить свои теории. «Ешь, пей и знай, что поступаешь самым правильным, самым разумным манером. Ан нет; тоска одолевает. Хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними».

Словом, позавидовав силе новых людей, создав в лице Базарова своего любимейшего героя, воплотив в нем ту мощь, к которой бесплодно стремился он сам, — Тургенев кончил тем, что наделил Базарова своей собственной тоской, не разглядел самого главного в новых людях, именно того обстоятельства, что у них были положительные идеалы и не было тоски и душевного разлада.

Базаров изменяет не только своей материалистической философией. Он не остается до конца верным своей вражде к романтизму и сентиментальным чувствам. В разговорах с Одинцовой «он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому, а, оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе». И этот человек с его холодным умом и злой иронией изменил себе, когда бросил Одинцовой: «Так знайте же, что я люблю вас глупо, безумно».

Он дерется на дуэли с Павлом Петровичем, хотя сознает, что это глупо, и небрежно объясняет Аркадию: «Вот что значит с феодалами пожить. Сам в феодалы попадешь и в рыцарских турнирах участвовать будешь».

Лежа на смертном одре, он посылает к Одинцовой сообщить, что умирает. Он, называвший отца «презабавным старикашкой» и подсмеивавшийся над трогательною любовью обоих стариков, говорит перед смертью Одинцовой: «Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет. Это чепуха, но не разуверяйте старика. Чем бы дитя ни тешилось... вы знаете. И мать приласкайте. Ведь таких людей как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать... Я нужен России... Нет, видно, не нужен».

И щемящей тоской проникает в сердце заключительная картина: «Есть небольшое сельское кладбище, в одном из отдаленных уголков России. Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный... Овцы безвозбранно бродят по могилам. Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре. Железная ограда ее окружает; две молодые елки посажены по обоим ее концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней из недалекой деревушки часто приходят два уже дряхлых старичка — муж с женою... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна?»

Таков итог романа. Тургенев кончил его порывом старого идеалиста. Он не осудил того, чье «бунтующее сердце скрылось в этой могиле», но душою он был не с ним, а с теми, кто пользовался в борьбе с жизнью старым оружием — молитвой и слезами.

П. Коган

Заключение

Утверждение необходимости преобразования России и новых людей с критическим и активным отношением к действительности — одна из положительных идей романа Тургенева. «Отцы и дети» — произведение, в котором молодое передовое поколение могло черпать уверенность в своих силах и вместе с тем видеть свою трудную судьбу.

В «Отцах и детях» Тургенев сделал новый шаг в понимании и раскрытии типических сторон русской действительности его времени, он констатирует наличие глубоких противоречий и вражды между демократами и либералами и как правдивый художник показывает, что такие отцы, как Павел Петрович, более близки к реакции, чем к прогрессу. В своем романе Тургенев отобразил резкое политическое размежевание двух лагерей в русской общественной мысли 60-х годов, показал, что прежние, если не единомышленники, то союзники в момент борьбы вокруг вопроса о крепостнической реформе выступили как непримиримые враги, что общественная борьба в России вступила в новую историческую фазу.

С. Петров

В «Отцах и детях» с наибольшей силой сказался основной принцип реализма Тургенева: «точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». Противник дворянского класса Базаров вышел из-под пера Тургенева личностью сильной, героической, умной, целеустремленной, овеянной несомненным авторским сочувствием. В образе Базарова Тургенев запечатлел многие лучшие типические черты идейного склада революционно настроенной разночинной интеллигенции 60-х годов. Вражда с самодержавно-крепостнической действительностью, презрение к аристократизму и либерализму с его широковещательными, а на самом деле жалкими и куцыми «принципами», любовь к труду и уважение к людям трудящимся — основа «нигилизма» Базарова.

А. Батюто

Роман «Отцы и дети» является ценным вкладом в нашу литературу. Помимо правдивости и яркости характеров романа, он замечателен как образец общественного романа, в котором автор верно угадал характерные черты своего времени. В нем изображается явление постоянное, вечное — смена старого, отживающего поколения новым, молодым.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Ни одно из произведений Тургенева не вызывало таких противоречивых толков, таких долгих и страстных споров, как роман «Отцы и дети». Одни, например, издатель «Русского вестника» Катков, увидели в Базарове «апофеоз» и восхваление «нигилиста», «поставленного на очень высокий пьедестал», «подавляющего все окружающее». Другие, и таких было очень много, поняли Базарова, как «клевету» и «карикатуру» на молодое поколение. На совершенно иных позициях в оценке романа стоял Д.И. Писарев, который видел в Базарове нового героя эпохи. «Базаров, — по словам Писарева, — представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчетливо вырисовывается перед воображением читателей. Тургенев вдумался в тип Базарова и понял его так верно, как не поймет ни один из наших молодых реалистов».

Оценивая роман «Отцы и дети», Д. И. Писарев писал: «Изучив характер Базарова... Тургенев видит, что для него нет ни деятельности, ни счастья... Не имея возможности показать нам, как живет и действует Базаров, Тургенев показал нам, как он умирает... Весь интерес, весь смысл романа заключается в смерти Базарова... Базаров не оплошал, и смысл романа вышел такой: теперешние молодые люди увлекаются и впадают в крайность, но и в самых увлечениях сказывается свежая сила и неподкупным ум; эта сила и этот ум без всяких посторонних пособий и влияний вывезут молодых людей на прямую дорогу и поддержат их в жизни. Кто прочел в романе Тургенева эту прекрасную мысль, тот не может не изъявить ему глубокой и горячей признательности, как великому художнику и честному гражданину России».

Писарев не учитывал того, что в образе Базарова не нашли отражения многие существенные черты подлинно нового и положительного героя — революционера-демократа, и, с другой стороны, того, что этому новому герою вовсе не свойственны

некоторые проявления базаровского нигилизма: отношение к искусству, к любви, к красоте. Молодое поколение не хотело узнавать себя в образе Базарова. Нигилист-отрицатель не отвечал представлению о борце-революционере, о том «положительном» герое, воплощение которого хотело бы видеть молодое поколение и которое оно нашло очень скоро в романе Чернышевского «Что делать?»

Тургенев был смущен бурной полемикой по поезду романа. Вспоминая позднее эти страстные и противоречивые толки, вызванные «Отцами и детьми», Тургенев писал: «Я испытал тогда впечатления, хотя разнородные, но одинаково тягостные. Я замечал холодность, доходив-

шую до негодования, во многих мне близких и симпатичных людях; я получил поздравления, чуть не лобзания, от людей противного мне лагеря, от врагов». Он получал письма, в которых одни обвиняли его «в оскорблении молодого поколения, в отсталости, в мракобесии», другие упрекали с негодованием «в низкопоклонстве» перед самым этим молодым поколением. Сам Тургенев не упрекал себя в том, что, создав образ Базарова, он погрешил против «художественной правды», которой он дорожил более всего. «Более всего, писал он однажды, интересуюсь живою правдою человеческой физиономии». Убежденный противник «проклятой» идеализации и всякой фальши в искусстве, «риторической», «ложновеличавой школы», он писал в своих «Литературных воспоминаниях»: «Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». И если Тургенев неверно понял «нового человека» Базарова, то он стремился и тут остаться, прежде всего, честным, взыскательным художником.

В частных письмах и в заметке «По поводу «Отцов и детей» Тургенев защищал свое «любимое детище» — Базарова, который был в его понимании «честным, правдивым, демократом до мозга костей», «провозвестником, крупной фигурой, одаренной известным обаянием, не лишенной некоторого ореола». Салтыкову—Щедрину он писал: «Скажите по совести, разве кому—нибудь может быть обидно сравнение с Базаровым. Не сами ли вы замечаете, что это самая симпатичная из всех моих фигур». То, что, рисуя образ Базарова как представителя новой русской молодежи, он придал ему резкие черты, Тургенев оправдывал признанием: «Какой я был бы художник, не говоря уже, человек, если бы я не понимал, что самоуверенность, преувеличение, известного рода фраза и поза, даже некоторый цинизм составляют неизбежную принадлежность молодости». Много лет спустя (в 1883 г.) автор некролога в журнале «Дело» отметил: «Базаров, во всяком случае, представляет обаятельную силу, которой могли бы позавидовать люди всякого поколения».

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев